

А.П. Минеев

К вопросу о политической инокультурности российских регионов

***Аннотация.** Данная статья посвящена рассмотрению потенциала региональной идентичности в Российской Федерации. Автор анализирует социально-политические, исторические источники региональной идентичности как социального явления, определяет ее содержание и специфику. В завершение предпринимается попытка построения сценариев развития сепаратизма на примере ближайшего соседа России – Украины.*

***Abstract.** The article analyzes regional identity potential in Russian Federation, it's socio-political and historical sources, content and specificity. Finally, author generates a combination of scenarios to show possible future outcomes of separatism on example of Russia's nearest neighbour, Ukraine.*

***Ключевые слова:** сепаратизм, региональные сообщества, региональная идентичность, Российская Федерация, размежевание «центр – периферия», Украина.*

***Keywords:** separatism, regional communities, regional identity, Russian Federation, cleavage «Center – Periphery», Ukraine.*

Введение

Сепаратизм как стремление территориального сообщества к большему обособлению обычно основан на этнических и/или религиозных отличиях компактно проживающего населения от большинства граждан страны. Несколько обобщая, можно, вероятно, говорить об *инокультурных факторах сепаратизма*,

которые могут проявляться как в чисто этническом измерении (в отсутствие религиозных различий: баски в Испании или жители Южного Тироля в Италии), так и в чисто религиозном (в отсутствие выраженных этнических различий: аджарцы в Грузии или сербы в Боснии и Герцеговине), а нередко – в конфессиональном (в рамках одной мировой религии, различаясь по приверженности разным ее толкам: униаты Западной Украины или католическое большинство Баварии в ФРГ). Часто «инокультурность» сепаратизма включает одновременно и этнические, и религиозные (конфессиональные) различия: Нагорный Карабах, Косово, Ольстер, Шотландия, Трансильвания.

Существуют, однако, случаи сепаратизма, не обнаруживающие ни этнического, ни религиозного характера, которые хочется назвать чисто региональными. Хрестоматийный пример: появление в свое время на политической карте мира США. Другой – периодически усиливающееся в Северной Италии движение за отделение от Южной. Приходится слышать и о «латентном сепаратизме» Калининградской области, вспоминают и о принятии Свердловским облсоветом в 1993 г. Конституции Уральской республики. Возникает вопрос: уместно ли в таких случаях говорить о какой-то другой, не этнической и не религиозной, но – территориальной (региональной) «инокультурности» или подобные примеры сепаратизма исчерпываются чисто экономическими мотивами, а сопутствующая им политическая риторика служит лишь прикрытием для честолюбивых устремлений провинциальных элит?

Сами по себе региональные культурные особенности, встречающиеся на этнически и религиозно однородном пространстве, не представляют собой чего-либо необычного: достаточно вспомнить поговорку «Что ни город, то норы, что ни деревня, то обычай» с ее идиоматическими аналогами едва ли не во всех европейских языках. Привычны и обиходны характеристики «прагматизм ломбардийцев», «прусская педантичность», «прижимистость и самоирония габровцев», «мастеровитость уральцев» и т.п.

Вопрос состоит, по-видимому, в определении некоей совокупности, «критической массы», осознаваемых региональным сообществом особенностей, необходимой для формирования собственной идентичности, которая, в свою очередь, может стать основанием и мотивацией для сепаратизма. Возможно также пред-

положить, что отдельная идентичность ощущается региональным сообществом неким неартикулированным образом, присутствуя лишь в общественном «подсознании», но тем не менее прочерчивая в нем границу между «мы» и «они». При этом феноменологически наблюдаемая картина культурных особенностей представляет собой лишь один из симптомов не «диагностированного» до поры синдрома, составляющего фундамент потенциального регионального сепаратизма.

В 2000-е годы появился ряд обстоятельных работ, посвященных постановке и исследованию проблемы региональной идентичности в российских областях с преимущественно русским населением: Свердловской (7), Калининградской (2), а также - в избранных (в более чем десятке областей) местах европейской части России (3). Большое внимание авторы уделили соотношению понятий «региональная идентичность», «региональная самоидентификация» и «региональное самосознание», а работа И.Я. Мурзиной (6) в значительной своей части посвящена исследованию категории «региональная культура» и ее фундаментальному значению для формирования тесно связанных между собой региональной идентичности и регионального самосознания. Общим в позициях и выводах указанных работ можно считать утверждение о том, что определенно различимые на «русском пространстве» региональные идентичности и культуры не противостоят общероссийской идентичности и российской культуре, а соотносятся с ними в своем локальном проявлении как частное с общим. М.П. Крылов (3) даже особо выделил в одном из итоговых выводов своей работы фразу: «Региональная идентичность не тождественна сепаратизму».

В то же время отмечается эволюционная тенденция региональных идентичностей и культур все в большей степени участвовать в формировании общенациональной российской идентичности и российской культуры на правах заметных, сущностно-образующих элементов. Очевидно, последнее обстоятельство обладает непосредственной проекцией на федеративное измерение, на проблему взаимоотношений Центра и регионов.

Появившийся в марте 2012 г. и опубликованный на многих интернет-сайтах Манифест конгресса федералистов выдвигает в качестве одного из ключевых следующей тезис: «Особой идентичностью обладают не только "национальные" республики, но и "русские"»

регионы – от Балтики до Приморья. Настойчивое стремление имперской власти подогнать их под "единый стандарт" лишает регионы взаимной заинтересованности, превращает их в одинаковую "провинцию"» (4). Подробному обсуждению этой и других позиций манифеста был посвящен «круглый стол» «Какая федерация нам нужна?», состоявшийся в Высшей школе экономики в августе 2013 г. (ведущий – И.М. Клямкин) (10).

При всей, возможно, излишней полемичности ряда положений манифеста, равно как и высказываний на «круглом столе» в ВШЭ, многие из них, казавшиеся эксцентричными политическими фантазиями и не всегда оправданными эскападами, за прошедший год обрели весьма актуальное содержание. В первую очередь – из-за событий на Украине с их очевидной вписанностью в систему координат, определяемую «полюсами»:

- федерация – империя;
- общенациональная идентичность – инокультурность регионов;
- право на самоопределение – территориальная целостность (сепаратизм).

Представляется, есть немало оснований считать, что задаваемый приведенными парами дискурс может оказаться уместным и вполне «рабочим» применительно не только к трагедии, обвалюно проявившейся в соседней Украине, но и к процессам, с той или иной скоростью протекающим в России.

Новая федерация или обломок старой империи?

Как известно, СССР был конфедерацией «de jure» (право выхода союзных республик было конституционно зафиксировано, чего нет ни в одном современном федеративном государстве) и империей «de facto». РСФСР в его составе была федерацией по названию и «непонятно чем» на деле. Формальная субъектность, выражавшаяся в котирированном представительстве в Верховном Совете СССР ранжированных национальных образований (16 автономных республик, а также 5 автономных областей и 10 автономных округов в составе «русских» краев и областей), в сочетании с отсутствием конституционно зафиксированной субъектности самих краев и

областей делала весьма затруднительным понимание государственной конструкции РСФСР.

Чтобы разобраться, необходимо было принять во внимание вневконституционные механизмы управления и реальной иерархии – по линии КПСС. Тогда картина прояснялась, но получалось, что она рисует не федерацию, как ее принято понимать и описывать, а как раз – империю: полиэтничное, поликонфессиональное государство, жестко контролируемое и унитарно управляемое из Центра при помощи «вертикали власти», партийной власти.

Как только эта власть исчезла, СССР распался, а руководители его главного осколка и правопреемника – РСФСР – оказались перед лицом множества вызовов, не последним среди которых был выбор государственного устройства: федерация или унитарное государство? Первого в отвечающих принятым в мире формам в наследство не досталось, второго – тоже, поскольку арматуры вертикали – правящей партии – не стало. Зато в наследство достались приснопамятный парад суверенитетов автономных республик, амбиции их руководителей, инициированная ими этномобилизация населения откровенно сепаратистской направленности и свежий прецедент распада СССР по «национальному принципу».

В этот перечень хорошо вписывается и Закон, принятый 26 апреля 1990 г. Верховным Советом СССР. Закон, практически приравнявший автономные республики (АССР) по статусу к союзным. Стоит напомнить, что так и не подписанные в 1991 г. оба варианта нового союзного договора (федеративный – август и конфедеративный – ноябрь-декабрь) включали в качестве субъектов не только бывшие союзные, но и автономные республики. Случись так, что договор, особенно его конфедеративная редакция, все-таки были бы подписаны до Беловежского соглашения, результатом последнего стала бы гораздо большая фрагментация территории СССР.

Такая предыстория едва ли оставляла руководству новой России иной выбор, чем тот, который был сделан в марте 1992 г.: не только «национальные», но и «русские» административно-территориальные единицы РСФСР (края, области и два крупнейших города) объявлялись субъектами Федерации. Их представители и подписали Федеративный договор – документ, в течение последовавших полутора лет, до принятия ныне действующей Конституции, регламентировавший отношения Центра и регио-

нов. «Тяжкое наследие» советской конструкции проявилось и здесь: Федеративный договор состоял из трех отличавшихся друг от друга договоров: а) с республиками; б) с краями, областями и городами федерального значения; в) с автономными округами и (единственной оставшейся на тот момент) автономной областью. В частности, различия касались собственности на недра: республики ею обладали, остальные – нет. Это была уступка за территориальную целостность, которую удалось сохранить, хотя и в асимметричном формате: некоторые субъекты новой Федерации оказались «более равны, чем другие».

Асимметричность Федерации воспринималась в ее субъектах нереспубликанского статуса как дискриминация, непосредственно угрожающая единству страны.

На апрельский референдум 1993 г. о доверии президенту, курсу реформ, досрочных выборах президента и досрочных выборах парламента («Да-Да-Нет-Да») региональные власти Санкт-Петербурга, Вологодской и Свердловской областей вынесли дополнительный вопрос об обретении статуса республики в составе РФ. В Вологодской области вопрос ставился даже шире: «Считаете ли Вы, что края и области, в том числе и Вологодская область, должны иметь равные конституционные права с республиками, входящими в РФ?» Подавляющее большинство голосовавших (88,3%) ответили положительно. На этом основании областной Совет принял решение: «Установить, что Вологодская область является составной частью РФ, имеет статус государственно-территориального субъекта РФ и обладает всеми правами наравне с республиками, входящими в состав России». В С.-Петербурге за республиканский статус высказались 74,6% голосовавших. В Свердловской области – 83,4%, и областной Совет разработал Конституцию Уральской республики в составе РФ, которая после общественного обсуждения была принята.

Отметим три важных для дальнейшего изложения обстоятельства. Первое: во всех упомянутых региональных опросах речь шла не о выходе из РФ, а о повышении статуса субъекта Федерации. Второе: и Вологодская, и Уральская республики были провозглашены до опубликования проекта российской Конституции, которая скорректировала асимметрию РФ в сторону равноправия субъектов по сравнению с Федеративным договором. Третье: во

всех трех регионах ответы на вопросы общенационального референдума свидетельствовали о большей лояльности населения президенту и курсу реформ по сравнению со среднероссийскими показателями. Так, в С.-Петербурге за доверие Б.Н. Ельцину высказались 72,7% избирателей (58,7% – по РФ), в Вологодской области – 63,3, в Свердловской – 84,4%.

Вопреки устоявшемуся в памяти стереотипу Вологодская и Уральская республики не были явлениями сепаратистской направленности. А. Гребенкин, возглавлявший в то время Свердловский областной совет, говорил в одном из интервью: «...слово “республика” означает в первую очередь форму правления и вовсе не тождественно государству... Мы создали типичную конституцию штата, земли, характерную именно для субъекта неделимой Федерации... 16-я статья специально формулирует отказ от всяких признаков суверенитета» (7, с. 4). Вторит ему и бывший председатель Вологодского облсовета Г. Хрипель: «Меня вызвали в правовое управление администрации президента, грозились отдать под суд за сепаратизм. Но я с документами в руках сумел доказать, что на уровне областного Совета создавать Вологодскую республику, да еще и независимую от всей страны, никто не собирался» (8).

Показательно, что и Указ президента № 1874 от 09.11.93 о роспуске Свердловского облсовета не содержал в качестве основания сепаратизм. Формулировка была иной: «Изменение в одностороннем порядке конституционно-правового статуса Свердловской области и присвоение областным советом полномочий представительного (законодательного) органа государственной власти республики в составе Российской Федерации» (курсив мой. – Авт.).

Дело в том, что на момент подписания указа еще действовала прежняя Конституция РСФСР, не предоставлявшая областным советам законодательного права, которым обладали республики. И хотя известно, что Б.Н. Ельцин на следующий день подписал проект новой Конституции, где этим правом наделялись все субъекты РФ, накануне у президента помимо формального оправдания было как бы и внутреннее: в тот день, 9 ноября 1993 г., законодательного права у областей не было «даже в проекте».

Мне кажется, что в этом эпизоде можно различить традиционную, культурную черту характера российского центра в его взаимоотношениях с регионами. Да, завтра вы получите это право,

но – от нас, по нашему хотению, а не потому, что вы его добивались. Посему сегодня вы должны быть примерно наказаны. И это – несмотря на очевидное предрасположение Б.Н. Ельцина к своим землякам, на поддержку свердловским руководством и населением области политического курса первого президента России в нелегкую для него осень 1993 г.

Интересно, что Вологодский облсовет был распущен в те же дни, 11 ноября, но – без отдельного указа, а в общем порядке, на основе Указа президента № 1617, подписанного месяцем раньше: «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации». Думаю, не в последнюю очередь потому, что в отличие от уральских коллег вологодские депутаты проведение областного референдума и последовавшее по его итогам решение мотивировали социально-экономическими причинами: «Необходимость такого вопроса была обусловлена тем, что республики обладали в ту пору возможностью не делиться с Федерацией собранными на своих территориях налогами и имели массу других социальных и экономических преимуществ перед "обычными" областями. А это было несправедливо» (8). Такой довод, хотя, возможно, и неприятен Центру, но абсолютно понятен, он – «в культуре». Потому в показательной порке нет особой нужды. Совсем другое дело, когда регион не ограничивается просьбой о территориальной справедливости, а заявляет о своем неотъемлемом, естественном праве соучаствовать на законодательном и политическом уровне в обустройстве всей страны.

Вот как комментировали конец Уральской республики ее лидеры в день своего смещения.

Э. Россель: «За четыре года работы на постах председателя облисполкома и главы администрации области я убедился, что успешное реформирование экономики возможно за счет максимального предоставления инициативы на местах, раскрепощения чело- века, создания настоящих творческих условий. Все это и означало бы перенос тяжести и ответственности за ход преобразований из Центра в регионы... Тогда, год назад, я сказал людям, взявшимся вместе со мной за это дело, что мне не страшно лишиться этого кресла. Задуманное нами принципиально меняет построение России, делает его таким, каким, по моему убеждению, оно и должно быть. Приходится глубоко сожалеть, что люди, готовившие указы

президента по Уральской республике, не понимают всего значения этого вопроса. Прискорбно, что люди такого уровня развития занимают посты, где принимаются решения, влияющие на жизнь страны. Ведь можно было меня пригласить, сесть за стол, сказать: “Эдуард Эргартович, давай обсудим этот вопрос. Мы хотим понять ваши аргументы”. Но ничего же этого не было! Вот аппарат правительственной связи еще несколько дней назад отключили – это было. Но в целом я доволен: Уральская республика состоялась. От этого факта не уйти, с ним придется считаться. Наша конституция уже оказала положительное влияние на проект российской Конституции: там появилось положение о равенстве всех субъектов Федерации» (7, с. 7).

А. Гребенкин: «Мне казалось, что наша инициатива представляла Центру удобную возможность провести государственно-правовой эксперимент – создать полигон для обкатки, отладки чисто региональных законов. У нас была договоренность с рядом ведущих специалистов и некоторыми областными советами о создании межрегионального фонда нормативных актов. Такой фонд и собранный при нем банк данных позволили бы распределить усилия по выработке модельных правовых документов. Их сопоставление и выделение целостного общего начала послужили бы хорошей базой для создания работающих общероссийских законов и основ федерального законодательства... К сожалению, сегодня, в этот самый сложный период развития России, в окружении президента явно укоренились политики, которые не скрывают своего стремления вернуться к унитарной модели государства, когда регионам разрешается что-либо делать лишь по команде, по инструкции из Центра. Опять началась борьба с инициативой мест. Наказывают людей, которые готовы делать серьезные согласованные шаги, направленные на укрепление России, понимаемой как сообщество самоуправляемых единиц, построенной на ясно выраженных демократических основах, с учетом мирового опыта России как Федерации равноправных субъектов. Конечно, то, что с нами произошло, обидно и огорчительно. Но я не склонен драматизировать ситуацию: временщики есть временщики. Они считают так, мы – по-другому. Кто победит в интеллектуальном, историческом плане, рассудит время. А оно, я убежден, на нашей стороне. Проблема построения Российской Федерации остается, как бы от нее ни ухо-

дять. Федерации, построенные по этническому принципу, развалились у нас на глазах. Та же судьба ждет Россию, если мы не будем что-то предпринимать. Если возобладают политика чиновников из окружения президента, которые не видят дальше своего носа, своего кресла, нам не избежать трагедии» (7, с. 7).

Качество российского федерализма сегодня принято оценивать в шкале разделения полномочий – властных и бюджетных – между федеральным Центром и субъектами Федерации. Вот уже более 20 лет, то утихая, то возобновляясь, то прикрываясь эвфемизмами, то в более определенных выражениях, идет дискуссия на тему «Федерация или империя?» При всей важности постановки самого вопроса, наверное, не будет преувеличением считать, что его «полномочное» измерение – удел функционеров федерального и регионального звеньев. Звеньев одной цепи – все той же единой вертикали, – рабочим образом и вполне естественно для исполняемой ими роли конкурирующих за те или иные материальные ресурсы регионов и их распределение. К смысловым основам федерализма этот аспект имеет скорее опосредованное, производное от них отношение.

Мне кажется, главное различие между федеративным и имперским устройствами лежит не в той или иной пропорции взимаемых и оставляемых в регионе налогов, а в мере участия субъектов Федерации в общегосударственном устройстве, в полноте присутствия региональных черт в облике нации, в выражении ее лица. При этом правовое, политическое и институционально наполненное равенство субъектов оказывается лишь необходимым, но не всегда достаточным условием устойчивого развития федеративного государства.

Региональные политические культуры?

Итак, два десятилетия назад никакого сепаратизма в действиях свердловской и вологодской областных властей юридически не обнаружилось. Судя по оценкам, высказанным «по свежим следам» отцами-основателями Уральской республики, главная ее мотивация состояла в выравнивании статусов субъектов РФ, а главное – в приобретении ими возможности соучаствовать в принципиально ином «построении России», «понимаемой как сообщество само-

управляемых единиц». Вряд ли можно утверждать, что принятая через месяц после этих высказываний действующая и ныне Конституция РФ как-либо ограничила развитие в этом направлении. Напротив, в ней присутствует и норма равенства субъектов, и все необходимое как для их плодотворного участия в общенациональном строительстве, так и для собственного самоуправления. В частности, парламенты всех субъектов РФ наряду с представительными наделены и законодательными функциями, а также – правом законодательной инициативы на федеральном уровне. Последнее, очевидно, представляет собой превосходный инструмент для участия регионов в «построении России».

Действительно, в первое десятилетие после принятия новой Конституции законодательская активность региональных парламентов, чья совокупная доля среди 723 обладателей права федеральной законодательной инициативы составляла около 12%, проявилась в пропорции, заметно превышающей этот «удельный вес». Так, в Госдуму второго созыва (1996–1999) от регионов поступило 949 законопроектов (24% от общего числа), а за три неполных года работы Думы третьего созыва – 996 (32%) (1). Правда, федеральными законами из них стали лишь чуть более 2%, в то время как эффективность прохождения остальных, внесенных за тот же период законопроектов составила свыше 23%. То есть в 10 раз больше. Н.В. Ильина среди других причин низкой результативности региональных парламентов в федеральном законодательстве предполагает «невысокую значимость для них такой возможности, низкой оценке самими субъектами их роли, степени влияния на законодательный процесс в Государственной Думе» (1).

Очевидно, этот вывод автора не согласуется с цифрами из ее же работы, приведенными выше: за неполное первое десятилетие формирования нового российского правового пространства от субъектов РФ поступило более четверти всех законопроектов, что вдвое превышало их представительство в общероссийском корпусе «законотворцев». За единичными исключениями законодательные органы всех субъектов РФ внесли свои законопроекты. И это не считая внесенных членами Совета Федерации, которые в тот период в большинстве своем были выходцами из представляемого ими региона.

Так что значимость своего соучастия в общефедеральном обустройстве регионы ценили. Другое дело, что умения «составить бумагу» им порой недоставало, что легко прочитывается в формулировках отказов (8) и на что, к слову, прямо указывает Н.В. Ильина в своем подробном анализе (1).

Для сравнения приведу данные за период осенней сессии Госдумы 2012 г. Из 491 внесенного законопроекта федеральными законами стали 182. При этом регионами было внесено 148 законопроектов – 30% от общего числа. То есть чисто арифметически к концу второго десятилетия российского законотворчества снижения активности субъектов РФ в этом процессе не наблюдалось. Однако 40% внесенных регионами законопроектов приходилось на всего лишь девять субъектов РФ – 10% от их общего числа. В то же время 33 субъекта в законотворческом процессе осени 2012 г. вовсе отсутствовали. Еще 16 субъектов Федерации представили только по одному законопроекту (9).

Конечно, отмеченная тенденция такого «абстентеизма» наряду с выраженной законотворческой активностью меньшинства регионов требует внимательной проверки, в частности, с привлечением данных по более протяженному, чем одна парламентская сессия, периоду. Если все же принять сделанное наблюдение как версию, то процитированную выше оценку более чем десятилетней давности о невысокой значимости для регионов самой возможности участия в федеральном законодательном процессе (1) можно рассматривать как начавшее сбываться предвидение.

В ряде высказываний на «круглом столе» в ВШЭ (10) звучал тезис о безразличии в регионах к происходящему на федеральном уровне, в общероссийском масштабе. Безразличии, как ответной реакции на равнодушие федеральной власти к проблемам их региона. Пройдя фазу подданнических недоумений и обид, безразличие к Центру становится стартовой площадкой для гражданско-го поиска.

С. Чумичев, журналист: «Какой смысл ходить с плакатами и кричать, что у нас ямы на дорогах?! Люди во Владивостоке кооперируются, сбрасываются деньгами, покупают асфальт, идут и сами закатывают эти дырки. Вот такая ситуация: власть обосновалась где-то там, на вершине горы, самоустранившись от страны, а люди

на местах начинают самоорганизовываться и самостоятельно решать свои проблемы» (10).

М. Митренина, журналист: «В Томске очень развит городской и региональный патриотизм. Многие социально активные граждане инициируют политические и гражданские проекты, в обществе активно обсуждаются вопросы привлечения внимания к Томску, брендинга Томска. Но нет практически ни одного проекта, который был бы ориентирован на всю Россию. В Томске не обсуждаются вопросы типа "какая федерация нам нужна?" или "как изменить государство?" Внутренний ресурс патриотизма в городе есть, но Россия в идеологическом плане практически его потеряла. Вот один лишь пример в подтверждение. В ситуации "сланцевой революции", когда сланцевая добыча углеводородов может предположительно создать трудности "Газпрому", "Роснефти" и, соответственно, бюджету РФ, Томский политехнический университет разрабатывает передовую технологию добычи газа из горючих сланцев для Китая, совершенно того не стесняясь. Томск не настроен спасать государство и государственность. Он будет адаптироваться к изменяющейся ситуации за счет своих ресурсов, которые у него, несомненно, есть. Если не будет государственных заказов, то Томск будет работать на западные и китайские заказы» (10).

Ф. Крашенинников, журналист: «Центр подавляет коммуникацию между регионами, Федерация не заинтересована в том, чтобы регионы дружили между собой и вообще общались. Если у нас между двумя соседними городами-миллионниками, между Челябинском и Екатеринбургом напрашивается скоростная железная дорога, чтобы слить их в один огромный региональный центр, то федеральному центру такая идея не интересна совсем. Зато ему интересна скоростная железная дорога из Екатеринбурга в Москву. Вопреки мнению некоторых московских товарищей, которые считают, что региональные партии не нужны, они очень даже нужны! Например, у нас в Свердловской области система таких партий была очень развитая. Люди хорошо ориентировались в трех-четырёх движениях, которые существовали, и четко представляли себе, кто за что выступает» (10).

Гражданская самоорганизация региональных сообществ, в значительной степени инициированная, по выражению И.М. Клямкина, «бездеятельным централизмом» (10), может на основе регио-

нальных идентичностей, измеряемых до поры в неполитической шкале, привести к появлению различных между собой региональных политических культур. И если выявленные прежде общекультурные региональные особенности не противостоят российской культуре (при всей недоопределенности этого понятия), будучи ее дочерними проявлениями (3; 6), то применительно к политическим региональным культурам, коль скоро таковые обнаружатся, вопрос о соотношении общего и частного обретает самостоятельную значимость.

Памятные карты выборных предпочтений 1990-х годов, разбивавшие Россию в триколорную композицию «красных», «синих» и неопределяемых в красно-синей шкале «белых» пятен-регионов, теперь несколько подзабытые благодаря установившейся «полупартийной» системе, конечно, были не просто результатом более или менее эффективных PR-технологий того или иного центра влияния. Попытка связать политические симпатии тех лет с некоторыми фиксируемыми в опросах ценностными ориентациями, их межрегиональными различиями была предпринята в работе автора 1995 г. (5).

Сегодня, когда изучение политических предпочтений населения затруднено их неоднозначной корреляцией с электоральной статистикой, общая культурная идентичность регионов может стать фундаментом и, возможно, эффективным инструментом исследования складывающихся в них политических культур, ответив, в первую очередь, на вопрос, не является ли сам разговор о региональных политических культурах в России надуманным или, по меньшей мере, преждевременным.

Беспризорное взросление региональных обществ

Возможно ли ожидать на однородном пространстве глубоко укорененной подданнической культуры хотя бы локальных всходов гражданской самоорганизации? И если да, то каковы возможные механизмы ее зарождения и траектории дальнейшего развития? Будет ли однажды зародившаяся на подданническом субстрате гражданская самодеятельность способствовать эволюции подданных в граждан или неизбежно сорвется в пике или даже штопор крутой вертикали власти, круче прежней. Мне кажется,

ответ уже получен. На Украине. Где отчетливо просматриваются реализовавшиеся два сценария: майданный и юго-восточный.

Первый – прост и жесток. Его рецепт: крикливо внушить подданым, что они – граждане, благо они уже на протяжении жизни целого нового поколения искушены ощутимыми материальными плодами той цивилизации, которая действительно достигла своих высот благодаря гражданской, а не подданнической политической культуре. Надо просто взобраться на трибуну Майдана и максимально чистосердечно, по Станиславскому, скандировать: «Украина – це Еуропа!» Потом можно разводить руками и с просвещенным видом повторять расхожую истину: «Революцию делают романтики, а ее плодами пользуются негодяи».

Заметим, что такой рецепт, очевидно, тем более эффективен, чем менее аудитория связана какими бы то ни было – но едиными – нематериальными ценностями, присутствующими в месте ее собрания. Ценностями, возможно, даже чисто территориальными, почвенными, связанными с культурными традициями места, города, региона. Лучшего места, чем современная столица, куда по ее функциям и предназначению стекаются самые разные подданные страны, размывая ее региональную идентичность, региональную культуру, не найти. В этой логике другим потенциально эффективным местом внушения лозунга типа «Це Еуропа!» может стать регион, где в силу каких-либо исторически недавних причин практически полностью сменилось население: массовая депортация старожилов с последующим насильственным перемещением на их место выходцев из разных регионов.

С этой точки зрения исследования региональной культуры Калининградской области (2) представляют огромный интерес.

Второй, юго-восточный сценарий, на мой взгляд, также, если не в большей степени, может оказаться поучительным для России. Подданническая уверенность, с какой население Юго-Востока делегировало в Киев Партию регионов, постепенно сменялась обидой и недоумением из-за явного безразличия режима В. Януковича к судьбе худо-бедно, но кормившей страну ее половины. Затем зародилось ответное безразличие.

По-видимому, эта фаза могла длиться при сохранении статус-кво и гораздо дольше. Но Юго-Восток «задели за живое» – и беспардонной инокультурной экспансией, воспринятой как куль-

турное насилие, и правдой о «птенцах гнезда» В. Януковича. Последний, уже в изгнании, предупредил своих «сменщиков» в Киеве: «Не трогайте Донбасс – мало не покажется». Так, к несчастью, и вышло.

Сам В. Янукович «не трогал». Не в этом ли основополагающая причина того, что гражданская самодеятельность на Юго-Востоке вынуждена была развиваться в форсированных, конфронтационных формах, будучи совершенно не готовой к иным? Партия регионов не была региональной партией и не являлась (как это могло бы следовать из ее самоназвания) коалицией нескольких, программно созвучных региональных партий. Их на Юго-Востоке Украины просто не было. И они режиму В. Януковича были не нужны, они были бы вне его политической культуры.

Зато было отрицание Майдана с его легкомысленным и инोकультурным с точки зрения Юго-Востока внушением: «Украина – це Еуропа!» Гражданская самодеятельность, не подкреплённая предшествующей гражданской самоорганизацией, плохо приурочена к политическому диалогу, тем более что и оппонирующая сторона культурой диалога также обладает в весьма ограниченном объёме.

В этом украинском контексте нельзя не обратить внимание на слова из упоминавшегося в начале этих заметок Манифеста федералистов: «В московской оппозиции вновь создаются всевозможные вождистские группировки (“комитеты”, “курии” и т.д.), пытающиеся приватизировать общенародный протест и свести его к пиару тех или иных столичных политиков – либеральных, националистических или левых. Интересы жителей различных регионов, заявленные на акциях во многих городах, вновь игнорируются. В этих попытках московской “элиты” принимать решения “за всю страну” мы видим воспроизведение все той же имперской “вертикали”. Но мы не “оппозиция” – мы граждане. Мы устали от этого гиперцентрализма, когда за всех в нашей стране “говорит Москва”, и создаем межрегиональное, надпартийное движение» (10).

Уставшие ожидать заботы и понимания со стороны Центра регионы начинают проявлять не только безразличие к нему, но и определенную долю раздражения и отрицания – как в среде областных элит, так и в гражданских региональных сообществах. В условиях плохо развитых межрегиональных связей и неприятия ко-

ординирующей роли Москвы зарождающаяся гражданская инициатива на местах может обнаружить заметную территориальную дифференциацию, мера которой не в последнюю очередь будет определяться различиями региональных культур. В политическом измерении это будет означать возможность весьма широкого спектра целеполаганий не только в полиэтническом и полирелигиозном пространстве, непосредственно фрагментируемом границами субъектов РФ, но и в кажущемся пока гомогенным поле «русских» регионов.

Региональные политические культуры России требуют изучения и подлинной – не только бюджетной – опеки со стороны федерального уровня. Благо, они, по-видимому, находятся в зачаточной стадии своего развития. Иначе политическое завещание В. Януковича «Мало не покажется!» не покажется таким уж алармистским применительно к России.

Список литературы

1. Ильина Н.В. Оценка законопроектов и эффективности их принятия в ходе федерального законодательного процесса в части законодательных инициатив, внесенных в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законодательными (представительными) органами государственной власти субъектов Российской Федерации // Патриотизм. ру: Основы патриотической политики в России. – Режим доступа: http://o-patriotizme.narod.ru/zak_deyatGD_2003_konfer_subti.htm
2. Карпенко А.М. Региональная идентичность как категория политической практики: Дис. ... канд. полит. наук. – М.: Институт философии РАН, 2008. – 153 с.
3. Крылов М.П. Европейская идентичность в Европейской России: Дис. ... д-ра геогр. наук. – М.: Институт наследия, 2007. – 381 с.
4. Манифест Конгресса федералистов // ИНАЧЕ. – 23.03.2012. – Режим доступа: <http://www.inache.net/mnogo/668/>
5. Минеев А.П. О проблеме региональных менталитетов // Россия: Экономика и политика. – М., 1995. – № 1. – С. 90–96.
6. Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: Бытие и сознание: Дис. ... д-ра культ. наук. – Екатеринбург: УПУ, 2003. – 237 с.
7. «Мы рассчитывали хотя бы на диалог» / Интервью А.В. Гребенкина и Э.Э. Росселя // Ваш выбор. – М., 1993. – № 5. – С. 4–7.

8. «Независимой Вологодской республики не было и быть не могло!» / Интервью Г.Т. Хрипеля // Красный Север. – 19.02.2014. – № 18 (27285). – Режим доступа: <http://www.krassever.ru/articles/politics/assembly/44001/>
9. Федеральное Собрание Российской Федерации. Государственная Дума. Официальный сайт: Раздел «Законодательная деятельность». – Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru/>
10. «Какая федерация нам нужна?»: Стенограмма общероссийской конференции // Фонд «Либеральная миссия»: Дискуссион. – 15.08.2013. – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/6198>